

Новый раунд большой геополитической игры: Средиземноморье, далее везде...

**Сергей Шатилов
Владимир Павленко**

Учреждение Средиземноморского союза

С 12 по 14 июля в Париже состоялся учредительный саммит Средиземноморского союза (СДС).

Участие в нем приняли 43 страны региона, в том числе 27 членов Европейского союза и НАТО, ведущие арабские государства, включая Египет, Иорданию и Сирию, а также Турция и Израиль*.

Парижский саммит ознаменовался присутствием за одним столом переговоров лидеров Израиля, Сирии, Палестины, Ливана и других стран, между которыми исторически существуют противоречия, способные перерасти (и неоднократно перераставшие) в вооруженные конфликты.

Так, например, Сирия и Израиль еще с 1948 г. фактически находятся в состоянии войны.

Тем не менее, по итогам саммита сделаны весьма амбициозные и многообещающие заявления о том, что общее членство в единой организации позволит в течение примерно полугода завершить ближневосточный конфликт, а также превратить регион в зону, свободную от оружия массового уничтожения. Саркози при этом однако не уточнил, что он собирается делать с Израилем, наличие у которого ядерного оружия только в последние годы подтверждалось на таком серьезном уровне как заявление министер-

ШАТИРОВ Сергей Владимирович – член Совета Федерации, первый заместитель председателя Комитета по промышленной политике, кандидат политических наук.

ПАВЛЕНКО Владимир Борисович – кандидат политических наук.

Ключевые слова: Средиземноморский союз, НАТО, “Большая восьмерка”, “группа D8”, БРИК, ШОС, Запад и Россия.

* Полное официальное название новой международной организации – “Барселонский процесс – Союз во имя Средиземноморья” – связано с состоявшимся еще в 1995 г. в Барселоне первым саммитом стран-участниц проекта. Затем формирование СДС затормозилось и возобновилось заново по инициативе президента Франции Н.Саркози.

ства иностранных дел Великобритании, пообещавшего заняться израильской ядерной программой по завершении разбирательств с иранской, и влиятельного ближневосточного посредника экс-президента США Дж.Картера*.

Завершение саммита СДС, приуроченное к национальному празднику Франции – Дню взятия Бастилии, было ознаменовано присутствием на военном параде прибывших в Париж лидеров, который по этому случаю сменил свой формат. Право открыть парад предоставили “голубым каскам” ООН, что явно призвано символизировать претензии нового объединения (и Франции как его лидера) на особую роль в задачах и возможно в структуре этой международной организации, а также сделать упор на поставленных в центр саммита проблемах безопасности.

При посредничестве возглавившего СДС президента Франции Н.Саркози саммитом принят ряд решений, уже провозглашенных его организаторами “историческими”, среди которых:

- восстановление дипломатических отношений между Сирией и Ливаном;
- продвижение переговоров о заключении мирного соглашения между

Израилем и Сирией (при посредничестве Турции);

– сближение позиций Израиля и Палестины, подкрепленное личной встречей израильского премьера Э.Ольмерта и палестинского президента М.Аббаса.

При этом единственной средиземноморской страной, не принявшей участие в саммите и отказавшейся от вхождения в учрежденный на нем СДС, оказалась Ливия. Ее лидер М.Каддафи, в последнее время заключивший ряд важных соглашений с Российской Федерацией, обвинил Францию и других европейских участников союза в “заговоре с целью подрыва единства арабских и африканских стран”. “Этот план, – убежден ливийский лидер, – имеет целью вновь поставить арабские страны под власть европейцев”¹.

Запомним эту оценку – она еще пригодится при анализе влияния новой международной организации на общую расстановку мировых сил. Отметим как символическое также и то обстоятельство, что фронда ливийского руководства этому новому западному проекту увязывается со сближением с Россией.

Средиземноморский союз и Саркози: идеология и геополитика

Создание СДС вынашивалось Саркози еще задолго до того, как он стал президентом Франции. Сразу после его прихода к власти некоторые аналитики отмечали, что Саркози – не просто очередной глава государства, а первый в современной Европе идеологический лидер с претензией на конти-

нентальный вождизм (то есть, с наполеоновскими замашками)².

Отмечалось также, что идеологией Саркози является подновленный французский (а, точнее, европейский) неоконсерватизм*.

В изначальном варианте родоначальники и идеологи европейско-

* По оценкам Дж.Картера, ядерный потенциал Израиля включает 150 боезарядов, из них определенное количество стратегических – превосходящих мощностью 500 килотонн тротилового эквивалента.

** Европейский неоконсерватизм нередко именуется французским из-за того, что его родной и страной, где он получил наиболее широкое развитие, является Франция.

го неоконсерватизма – Ш. де Голль, Ж.-М. Ле Пен, французские “новые правые”, а также многолетний лидер баварского Христианско-социального союза Ф.-Й. Штраус – проповедовали идею “единства Европы”. Так, именно правые идеи, отождествляемые с европейским неоконсерватизмом, послужили платформой преодоления исторических разногласий между Францией и Германией. Заключенный в 1962 г. этими странами “Каролингский пакт” сформировал франко-германскую “ось” в том виде, в каком она существовала вплоть до сегодняшнего дня – в виде континентального “ядра” Европейского союза, фрондирующего англосаксонским державам – США и Великобритании.

Неизменный интерес европейских неоконсерваторов к СССР и России³ объясняется двумя причинами:

Первая – стремление создать “противовес” британо-американскому доминированию в континентальной части Европы. Это – вполне понятная реакция на фактически принудительную военно-политическую интеграцию Запада, осуществленную после Второй мировой войны Великобританией и США на основе принципов “морской” геополитики, сформулированных еще Х. Дж. Маккиндером, а также американскими теоретиками А. Мэхэном и Н. Спайкменом, которые противопоставлялись традиционной континентально-европейской геополитике, наиболее рельефно представленной в программном труде К. Шмитта “*Land und Meer*” (“Суша и море”).

Вторая причина – размежевание с англосаксонской частью Запада всякий раз подталкивало континентально-европейские державы к экспансии на Восток. Знаменитая концепция “*Lebensraum*” (“жизненного пространства”), выдвинутая одним из вдохновителей гитлеровской “Майн кампф” – генера-

лом и профессором К. Хаусхофером, оказывается вполне применимой к ранним историческим прецедентам – тевтонскому, польскому, шведскому и наполеоновскому нашествиям на Россию. Поэтому имеются все основания считать справедливой точку зрения современного немецкого историка О. цур Линде, считающего, что май 1945 г. явил собой не столько “немецкий реквием”, сколько в целом “европейский” – ввиду консолидации нацистской Германией как явных, так и тайных устремлений и интересов всего Запада⁴.

Претензии Гитлера к Франции накануне мировой войны, как помним, также включали отнюдь не идеологический, а скорее цивилизационный и геополитический тезис о том, что “Восточный пакт” с СССР означал допуск России в Европу, дверь в которую, по мнению нацистского фюрера (и не только его одного), должна быть закрыта раз и навсегда⁵.

Послевоенный европейский неоконсерватизм, считаясь с реалиями, неизменно облакал эти идеи в более толерантную нежели “*Lebensraum*” форму концепций Европы “от Атлантики до Урала” и “от Атлантики до Владивостока”.

Однако конечной целью этих теоретических изысканий, фундаментальная критика которых содержится в целом ряде научных исследований, например в трудах директора Института Европы РАН академика Н. П. Шмелева, все равно виделось вовлечение России в сферу влияния европейских держав, пусть и облеченное в форму некоего “континентального единства”⁶.

Близорукость российских сторонников европейского неоконсерватизма – от М. С. Горбачева с его “общеевропейским домом” до апологетов “континентальной империи” А. Г. Дугина, противопоставляющих союз России

с Европой и даже Японией глобальному доминированию США, проявляется в преднамеренном замалчивании или фундаментальном непонимании угрозы подобного геополитического расклада. Ведь Европа, консолидированная любым из континентальных центров и к тому же свободная от внешнего контроля – это не что иное как новый, четвертый “рейх”. Даже не питая теплых чувств к англосаксонским державам, она в итоге все равно неизбежно развернет свою экспансию на Восток.

Это с одной стороны, а с другой – европейский неоконсерватизм при соблюдении разумной меры всегда использовался Россией для противопоставления континентальной Европы лидерам англосаксонского мира: США и Великобритании. Именно на критическом переосмыслении европейской неоконсервативной традиции был выстроен фундамент “особых” отношений СССР и Российской Федерации с Францией, а затем с ФРГ и объединенной Германией.

Разумеется, проводя такую политику, главное не перейти весьма тонкую грань, отделяющую безусловно полезное ситуативно-тактическое взаимодействие с отдельными европейскими странами по конкретным вопросам от альянса, включающего взаимные обязательства перед европейскими структурами, особенно по политическим и военно-стратегическим аспектам: разгребать последствия такой трансформации российской политики на данном направлении вновь, как и в двух мировых войнах, пришлось бы посредством абсолютно невыгодного, объективно проигрышного для нашей страны союза с Великобританией и США. Если государственным руководством страны эта грань осознается, то приоритет взаимодействия с европейскими странами в двустороннем формате, а не по линии “Россия – Европейский союз” будет сохранен.

Американский неоконсерватизм, в отличие от европейского, тесно связан с деятельностью выстроившихся за Дж.Бушем-младшим неоконсерваторов (действующих и уже уволенных): Р.Чейни, Р.Перла, Дж.Вулфенсона, Р.Армитеджа, Д.Рамсфелда и др. При этом он ориентирован не на цивилизационный и геополитический альянс с кем бы то ни было (особенно с Россией), а на глобальный экспорт “демократических ценностей”. (Интересно, что эта часть американского неоконсервативного учения заимствована в троцкистской идее “перманентной революции”⁷).

Один из ближайших советников вице-президента США Р.Чейни М.Ледина (под его руководством в свое время в Госдепартаменте трудилась Е.Чумаченко – жена президента Украины В.А.Ющенко) в порыве откровенности указывал на связь американского неоконсерватизма с фашизмом, но не расовым, а “интернационально-демократическим”, возвращенным к консервативным идеям “раннего” Муссолини. Инъекция фашистских идей, по версии Ледина, потребовалась, чтобы адаптировать концепцию “перманентной революции” (Л.Д.Троцкого) к современным консервативным ценностям⁸.

Но несмотря на внешне выраженную ориентацию американского неоконсерватизма на отстаивание понимаемых соответствующим образом национальных интересов, из этого правила делается исключение для Израиля. Именно в рамках американского неоконсерватизма возникло учение, известное специалистам как “христианский фундаментализм” (или “христианский сионизм”), уходящее корнями в начало XX в., тесно связанное с деятельностью протестантских проповедников С.Скофилда, Б.Грэма, Дж.Фолуэлла, а также А.Бальфура, У.Блэкстона, Х.Линдси,

других англосаксонских политических и общественных деятелей. Главная идея “христианского фундаментализма” – в необходимости обустройства и защиты Америкой Израиля для приближения конца времен – второго пришествия Иисуса Христа в “землю обетованную”.

Геополитическая доктрина данного течения, отраженная представлением о неделимости Иерусалима, воплощена в деятельности современных израильско-американских институтов – Комитета американо-израильских отношений (AIPAC) и Еврейского института проблем национальной безопасности (JINSA)⁹.

То есть американский неоконсерватизм является идеологической основой как американской глобальной экспансии в целом, так и конкретного *стратегического плана “Большой Ближний Восток”*, направленного на геополитическое переформатирование этого региона в интересах отнюдь не континентально-европейских держав, а англосаксонского руководства НАТО: США и Великобритании. В рамках именно этого плана были осуществлены крупнейшие американские военно-политические авантюры 2000-х годов – в Афганистане (2001 г.) и в Ираке (2003 г.), вынашиваются планы нападения на Иран, а также вытеснения российского влияния из Закавказья и Центральной Азии.

Различия между американской и европейской версиями неоконсерватизма привели к тому, что захват американскими неоконсерваторами доминирующих позиций в первой администрации Буша-мл. осложнил отношения внутри НАТО настолько, что сложилось противостояние между франко-германской “осью” Европейского союза и странами, приверженными “атлантистской” линии, традиционно следующими в фарватере США и Великобритании. Именно этому противостоянию мир обязан появлению

терминов “старая” и “новая” Европа, введенных в современный политический словарь бывшим министром обороны США Д.Рамсфелдом.

Жесткие выпады тогдашних лидеров Франции и Германии Ж.Ширака и Г.Шредера против американских военных акций на Ближнем и Среднем Востоке, с точкой зрения Президента РФ В.В.Путина, совпадали и едва не привели к реализации мечты европейских неоконсерваторов о формировании континентального антиамериканского блока Париж – Берлин – Москва.

Дело однако закончилось противоположным результатом: явно управляемым смещением Ширака и Шредера, курс которых не устраивал Лондон и Вашингтон.

Приход к власти во Франции Саркози – антагониста Ширака внутри голлистской партии (сам Ширак делал ставку совсем на другого “преемника” – бывшего премьер-министра Д. де Вильпена) положил начало видоизменению европейского неоконсерватизма и его переориентации на англосаксонские державы, то есть на тех, против кого он собственно изначально и направлялся. Саркози явился фигурой, подменившей самостоятельность европейского неоконсерватизма объединением с идеями американских “неоконов” в единый глобальный неоконсервативный проект и превратившей его в составную часть вынашиваемых (и осуществляемых) лидерами англосаксонского мира планов глобальной экспансии. Разумеется, на Восток.

Один нюанс: Саркози – проамериканский, но не пробританский политик. От него самого, да и по-видимому от американцев потребовалось немало усилий, чтобы его стали воспринимать “своим” в Лондоне.

В конце 2007 г., после ряда проволок, сопровождавшихся скандалом с публикацией в британской прессе не-

скромных фотографий новой жены французского президента К.Бруни, чета Саркози была все-таки принята королевой Елизаветой II.

Возможно именно тогда созрели конкретные планы использования Саркози в интересах продвижения британо-американских интересов в континентальной Европе. Важнейшей их частью, как представляется автору этих строк, и является проект СДС, в рамках которого Париж из противовеса англосаксонским державам превращается в их континентальный форпост. В сочетании с провалом углубления интеграции Европейского союза на основе Лиссабонского договора это способно коренным образом изменить всю европейскую (а, стало быть, и глобальную) расстановку сил.

По сути у нас на глазах формируется архитектура совсем другой Европы, в которой франко-германская “ось”, как и ЕС в целом, возможно уступит место новым приоритетам, а экономическая стабильность Европы, как всегда происходит в периоды нестабильности и потрясений, вновь окажется заложницей чужих геополитических интересов.

Рассматривая проект СДС с этой точки зрения необходимо обратить внимание на количество и качество выгод, приобретаемых при его реализации британо-американским альянсом, по сути помощью присоединения к нему Франции в некую “новую Антанту”.

1. Прежде всего, это возможность использовать кризис Европейского союза для того, чтобы навязать ему если не внешнее управление, то, по меньшей

мере, внешний контроль. В ситуации, когда после ирландского референдума европейским странам требовалось бы остановиться, посмотретья и определиться, как жить дальше, им на это просто не остается времени. С помощью Саркози инициатива перехватывается Великобританией и США, которые внедряют в континентальной Европе сценарий ее консолидации на условиях французского, а фактически их собственного доминирования.

Этот сценарий разумеется серьезно отличается от концепции Европейского союза, выдвинутой Лиссабонским договором – как конфедеративного объединения, которое, благодаря укрепляющимся надгосударственным органам, постепенно движется в сторону федерации*. Форма ЕС при успехе сценария СДС будет сохранена, но содержание однозначно окажется выхолощенным.

2. Создание СДС – это также способ использовать французское лидерство в этой организации для максимального распространения британо-американской экспансии в масштабах средиземноморского региона, соединив ее с экспансией, осуществляемой в зоне Ближнего и Среднего Востока. Заодно, по-видимому, ставится задача “приструнить” вернувшегося к власти вопреки интересам Лондона и Вашингтона премьер-министра Италии С. Берлускони, у которого прочные личные отношения с В.В. Путиным сочетаются с определенным недоверием к американцам и англичанам, углубленным рядом инцидентов, произошедших в ходе завершившегося саммита “большой восьмерки”***.

* Концепции СДС и Лиссабонского договора разошлись, по-видимому, тогда, когда континентальные европейцы отвергли британского экс-премьера Э.Блэра в качестве кандидата на должность президента ЕС, выдвинув ему в качестве альтернативы кандидатуру премьер-министра Люксембурга Ж.-К.Юнкера.

*** Речь, в частности, идет о распространенном американской делегацией буклета с нелицеприятными характеристиками Берлускони, впоследствии, правда, дезавуированном и объявленном “ошибкой”.

3. Создание СДС – инструмент примирения в средиземноморском регионе тех противоречий, которые неизменно оказывались не по зубам англосаксонским державам на протяжении всего периода после Второй мировой войны.

Объединение в единое целое натовской Европы с Северной Африкой, Ближним и Средним Востоком поставит арабский мир, как справедливо отметил ливийский лидер М.Каддафи, в новую зависимость от Запада. (Разумеется, это будет преподнесено как “консолидация” исламского мира, несмотря на оппозицию к такой форме консолидации значительной части мусульманских государств и обществ, в том числе ключевых).

Иначе говоря, НАТО с помощью Средиземноморского союза открыто, на внешне легитимных основаниях, обходит критику о выходе за рамки своей геополитической ответственности.

Распространяясь по южным рубежам России и СНГ вплоть до западных границ Китая, альянс повторяет в этом маневре экспансию Британской империи конца XIX – начала XX вв., а также соответствующие намерения гитлеровской Германии времен Второй мировой войны, попыткой реализации которых стал известный поход “лиса пустыни” Э.Роммеля в Северную Африку.

4. Создание СДС – это возможность для Великобритании и США переложить на Париж ответственность за нахождение развязок наиболее острых ближневосточных кризисов: израильско-палестинского и израильско-арабского в целом, а также сирийско-ливанского, внутреннего палестинского и т.д. Таким образом, НАТО будет улучшать свой имидж и расширять геополитическое влияние за счет присвоения успехов французской дипломатии в этом регионе, дистанцируясь при этом от ее возможных провалов, перекладывая ответственность за них на Саркози.

В перспективе это способствует формированию условий для безвозвратной привязки Франции к атлантическому проекту переустройства мира.

Таким образом, возможности дать “обратный ход”, вернувшись к франко-германскому альянсу, у Франции даже при преемниках Саркози может и не остаться.

5. Важнейшее значение для Запада получает интеграция в СДС, а стало быть и в сферу ответственности НАТО, Израиля, а также его партнерство в рамках этого союза с традиционными антагонистами из арабского мира. Особенно важным это обстоятельство представляется в свете неоконсервативного идеологического основания взаимодействия НАТО и СДС: не забудем, насколько серьезная, поистине эсхатологическая роль отводится Израилю в планах американских “неоконов”.

6. Наконец, создание СДС – это и оттеснение на периферию европейской и мировой политики Германии – экономически мощной, но традиционно несговорчивой по отношению к Великобритании и США. В результате создания этого объединения и перехвата им инициативы континентально-европейской интеграции Германия как единственная крупная держава Запада, не имеющая выхода к Средиземному морю и стало быть не входящая в СДС, оказывается в фактической изоляции, “зависая” в одиночестве в центре Европы.

Формальное участие Германии в парижском саммите сути дела не меняет. Не случайно, федеральный канцлер А. Меркель неоднократно подвергала проект СДС критике, справедливо усматривая в нем альтернативу Европейскому союзу, а его создание вызвало в официальном Берлине более чем сдержанную реакцию.

7. С помощью СДС англосаксонскому Западу возможно удастся решить

беспокоившую его на протяжении десятилетий проблему “особых” отношений Франции, Германии и СССР (России). “Дружить” с нашей страной “против Запада” одинокая Германия по-видимому не сможет, да и не будет пытаться: помимо обязательств по НАТО и Европейскому союзу, у нее сохраняется чувство “исторической вины”, побуждающее, несмотря на умеренную фронду, в целом послушно плестись в фарватере англосаксонской политики. Кроме того, от России она отделена “санитарным кордоном” из Польши, Чехии и “оранжевой” Украины. Имеет место и внутривнутриполитический тупик – сохранившееся до недавних пор электоральное равновесие между правыми (ХДС-ХСС и СвДП) и левыми (СДПГ и “зелеными”), вынуждающее тех и других в интересах сохранения стабильности поддерживать правительственную коалицию.

Поэтому наиболее вероятный удел Германии в случае развития проектом СДС первоначального успеха – служить “уплотняющей” частью антироссийского “санитарного кордона”.

Роль Саркози в формирующейся новой конфигурации сил – это роль демонстрирующего самостоятельность, но при этом направляемого Лондоном и Вашингтоном лидера, ретранслирующего руководящие импульсы из этих столиц по всей евроазиатской “дуге нестабильности” (Ближний Восток – Закавказье – Иран и Ирак – Афганистан – Тибет и Синцзян). А также ответственного за эффективность и последствия осуществляемой в соответствии с этими импульсами экспансии вдоль “южного подбрюшья” России и СНГ.

Освободиться от геополитической опеки Великобритании и США Саркози не сможет, даже если очень захочет. Помешает фактор германского соседства на восточной границе, который воспрепятствует самостоятельной (не управляемой англосаксонскими державами) экспансии Франции на Восток. Именно стремление к такой экспансии в свое время приводило к возникновению конфликтов интересов наполеоновской Франции и гитлеровской Германии с Западом. (Наполеону и Гитлеру удалось “отвязаться” от англосаксонских держав только потому, что восточные “ограничители” экспансии были слишком слабы: Пруссия и Австро-Венгрия в начале XIX в., Чехословакия и Польша во второй половине 30-х годов). Поэтому генеральным направлением экспансии СДС на Восток сегодня избрана не центральная Европа, а Средиземноморье.

Еще один важнейший момент.

Очевидно, что проект СДС напрямую затрагивает перспективы президентских выборов в США. Следует предположить, что сам факт проведения саммита СДС больше помогает республиканцу Дж.Маккейну, чем демократу Б.Обаме.

Возможно, именно поэтому сам Обама, а также демократическое большинство в американском Конгрессе и влиятельные партийные боссы практически одновременно с его созданием выступили за смягчение позиции США по отношению к России, обещая в случае успеха Обамы чуть ли не открыть новую эру в российско-американских отношениях.

Восточная альтернатива Средиземноморскому союзу

Для России одинаковой ошибкой было бы как поддаться на посулы оппозиционных демократов, так и

начать рассуждения о степени “радужности” перспектив ноябрьского успеха Маккейна, победу которого многие в

Америке рассматривают как “третий срок” Дж.Буша*. Дело в том, что современная разница между позициями партий осла и слона по отношению к России, если называть вещи своими именами, объясняется конфликтом, возникшим в американских (и соответственно глобальных) центрах принятия решений между моделями Г.Киссинджера, чьей креатурой является Дж.Маккейн, и Зб.Бжезинского, практически открыто “опекающего” Б.Обаму.

“Мир по Киссинджеру” – это вариант “Нового мирового порядка”, в котором Россия системой формальных и неформальных договоренностей прикрепляется к Западу и, сохраняя номинальный суверенитет, встраивается в глобальную борьбу с Китаем – главной угрозой западному лидерству. Ее удел – пребывание на задворках Запада в качестве его форпоста (или “пушечного мяса” – как кому больше нравится) на юго-восточном направлении.

“Мир по Бжезинскому” еще в начале 90-х годов четко прописан в “Великой шахматной доске”: Запад на пару с Китаем делит российское наследство. В дополнение к этому следует сказать, что опровергнуть возрождающиеся политические амбиции нашей страны, введя развитие ситуации в намеченное русло, по-видимому планируется с помощью исламского мира, консолидируемого выходцем из него Обамой в случае его прихода к власти.

Сохраняющий актуальность выбор российского руководства в пользу республиканцев объясняется тем, что в “мире по Киссинджеру” место у России, пусть и ущербное, все-таки просматривалось, а в “мире по Бжезинскому” такого места изначально не было вообще. В условиях, когда “мир по

Киссинджеру” рассматривался отложенным вариантом “мира по Бжезинскому” у России появлялось “время на размышление”.

Сегодня ситуация по-видимому претерпевает качественные изменения. Обаму как главный “козырь” Бжезинского пытаются “выключить” из игры его же оружием – опережающей активизацией управляемого взаимодействия с ключевыми странами и регионами мусульманского мира. Именно этот “месседж” американской и мировой элите заложен в проекте СДС и итогах парижского саммита.

Таким образом, республиканский и демократический миропроекты, по сути, утрачивают различия, по крайней мере, с точки зрения российских национальных интересов. Это означает, что временем, необходимым для консолидации ресурсов противодействия растущим угрозам, наша страна не будет располагать в случае победы не только Обамы, но и Маккейна.

Ближайшая перспектива для России при успешном развитии проекта СДС – возможная полная утрата позиций в регионе Ближнего и Среднего Востока (за исключением может быть отношений с Ираном).

Несколько более отдаленная перспектива выглядит следующим образом. Как только будет организован и отстроен в соответствии с планами США, НАТО и СДС “Большой Ближний Восток”, Россия скорее всего окажется перед выбором: превратиться либо в плацдарм (а возможно и театр военных действий) будущего “генерального сражения” Запада с Китаем, либо в жертву мусульманской экспансии с юга – при том, что не только Украина, Грузия, но

* Не надо забывать, что нынешние разительные по своему динамизму и при этом крайне негативные изменения в российско-американских отношениях происходят при республиканцах.

и Азербайджан, Армения и возможно Туркменистан к тому времени могут оказаться в НАТО.

Неэффективными в этих условиях представляются и попытки занять выжидательную позицию в расчете на прогнозируемый многими экспертами крах Запада, обусловленный финансово-экономическими причинами. Предпосылки к нему имеются, но реальных предвестников пока не видно. Зато невооруженным глазом усматривается горячее желание преодолеть растущие кризисные тенденции за чей-нибудь счет. Скорее всего за счет России.

Вряд ли актуален в складывающейся ситуации и вариант с использованием внутренних противоречий на Западе и на Ближнем Востоке, ибо создание СДС не только ограничивает круг реальных партнеров России Германией, Италией и Ираном, но и сужает пространство маневра как Берлина, так и Рима*.

Что делать?

Или, точнее, что на наш взгляд УЖЕ делается?

Для того, чтобы это осмыслить, необходимо вернуться к прошедшему саммиту “большой восьмерки” в Японии и другим случайно или нет совпавшим с ним событиям, обратив внимание на три важнейших момента.

1. Подписание договора между США и Чехией по размещению радара ПРО именно 8 июля во время саммита “восьмерки” – не случайно. Тем самым, по-видимому, демонстрируется “выставочный” характер встречи лидеров: все решения по реформатива-

нию глобального политического пространства с Россией не обсуждаются. Они уже приняты и реализуются без российской стороны, в то время как функция “восьмерки” – создать среду, необходимую одновременно и для доведения данного обстоятельства до российской стороны, и для оперативного выяснения ее реакции.

Об этом же свидетельствуют и обострение в тот же период конфликта вокруг Грузии, связанное с предложением американского Госдепа заменить российских миротворцев в зоне конфликта “международными полицейскими силами” и вояжем Кондолизы Райс в Тбилиси, и, кстати, демарш Швеции с электронным шпионажем против России в пользу соответствующего круга так называемых “демократических” стран.

Фактически России дают понять: ее членство в “восьмерке” – формальное; исключать ее, как предлагает Маккейн, никто не собирается, но и считаться с ней как с равной тоже не станут. Не случайно, что в эти же дни прозвучало британо-американское заявление о “ненадежности” России как партнера Запада по “восьмерке”, поводом для которого послужило наше “вето” в Совете Безопасности ООН на проект резолюции по санкциям против Зимбабве. Не было бы этого смехотворного повода – нашли бы другой. Главное – уязвить Россию, намекнув на шаткость ее позиций в “восьмерке”**.

2. На этом фоне российским руководством делается беспрецедентный

* Показательно: Италия не только вошла в СДС, но и по сути согласилась в нем на “вторые роли” после Франции. Демарш премьер-министра С.Берлускони с выводом из точки проведения будущего саммита “восьмерки” на о. Сардиния дислоцированной там базы американских подводных лодок приобретает не более чем популистский характер.

** В отношении занявшего аналогичную позицию Китая никаких телодвижений сделано не было, хотя именно эта страна из-за приближения пекинской Олимпиады с точки зрения Запада сегодня наиболее уязвима для политического давления.

шаг: организуется закрытая для остальных участников “большой восьмерки” и освещающих его СМИ, выходящая за рамки саммита, как такового, встреча лидеров БРИК – Бразилии, России, Индии и Китая. Кроме этого, Президент РФ Д.А. Медведев демонстративно встречается с каждым из глав этих государств с глазу на глаз.

Спустя сутки в СМИ происходит “утечка” о том, что на закрытой встрече четырех (которую все мировые информагентства сразу же называют “главным событием саммита”) было подписано некое, не подлежащее разглашению соглашение о совместных действиях, которое, возможно, включало определенное распределение сфер ответственности между его участниками. По нему Китаю и Индии якобы отводится роль индустриальных центров “четверки”, а России и Бразилии – энергетических.

Таким образом, Россия, как и Франция, возможно делает СВОЙ шаг в направлении формирования системы безопасности перед лицом формирования новой глобальной расстановки сил и вызванных этим угроз. При этом Москва демонстративно дает понять, что членство в “восьмерке” она рассматривает, прежде всего, как доступ к площадке для заключения определенных договоренностей, в том числе за рамками самого этого элитарного клуба*.

Аналогичное отношение к “восьмерке” демонстрируется индийской и китайской сторонами, которые отказались обсуждать проблему глобального изменения климата в контексте сокращения промышленных выбросов, как

призывали европейские участники саммита и Япония, и как того требовала официальная повестка дня.

При этом необходимо отметить, что два из четырех участников БРИК – Россия и Китай – вместе с центрально-азиатскими государствами входят в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) – крупный и влиятельный региональный блок, который, как и СДС, включает в число своих задач обеспечение безопасности (то есть, имеет определенную военно-политическую составляющую).

Третий участник БРИК – Индия – находится в числе стран, подавших заявку на вступление в ШОС**.

3. Одновременно с саммитом “большой восьмерки” (или “группы G8”) в Куала-Лумпуре (Малайзия) состоялся альтернативный саммит мусульманской “восьмерки” – “группы D8”¹⁰, включающей наиболее развитые в экономическом отношении государства исламского мира: Иран, Индонезию, Малайзию, Бангладеш, Египет, Пакистан, Нигерию и Турцию.

Обращает внимание, что две, причем отнюдь не последние в этом списке страны – Иран (активно разрабатывающий ядерную тему) и Пакистан (уже официально являющийся первой мусульманской ядерной державой), как и Индия (также ядерная держава), имеют статус наблюдателей ШОС и подали заявку на полноценное вступление в Организацию. При этом их отношения с Западом, прежде всего с США, у Ирана давно находятся в глубоком кризисе, а в случае с Пакистаном этот кризис можно назвать углубляющимся,

* Позднее сам Д.А.Медведев весьма обтекаемо сформулировал эту мысль на встрече с российскими журналистами, освещавшими саммит.

** В настоящее время в стадии изучения находится вопрос о механизме расширения организации за счет принятия новых членов, который возможно будет рассмотрен уже в середине августа 2008 г. на ближайшем саммите ШОС в Бишкеке.

что видно по международному скандалу, вызванному недавними бомбардировками западного приграничья этой страны американской авиацией, а также резко выросшими масштабами американских потерь в Афганистане.

Третий участник “группы D8” – Малайзия – представляет собой едва ли не образец интенсивно развивающейся высокотехнологичной экономики. При этом, с одной стороны, эта страна тесно связана множественными экономическими и гуманитарными связями с членом ШОС Китая, а с другой – является одним из центров наиболее влиятельного международного мусульманского объединения – Организации Исламская конференция (ОИК), ассоциированным членом которой является с 2005 г. по личной инициативе В.В.Путина, еще один участник ШОС – Россия*.

Еще две страны “группы D8”, но уже союзные США и Западу – Египет и Турция – входят в СДС и, судя по итогам парижского саммита, намерены играть в нем далеко не последнюю роль. Роль эта правда, неоднозначна.

Так, в Турции из-за более очевидного краха планов вступления в Европейский союз происходят серьезные внутренние перемены. Оставаясь последовательным союзником США, турецкий правящий режим, тем не менее, все более активно склоняется к поддержке Ирана, в том числе по вопросам его ядерной программы.

Для России отношения с Турцией важны по многим причинам. В том

числе и из-за активизации определенными силами на Западе попыток создания так называемого “*Вселенского патриархата*” – теократического православного государства с центром в Стамбуле (Константинополе). Понятно, что без согласия Турции данный проект, угрожающий формированием религиозного центра, противопоставленного влиянию Москвы, а также Русской Православной Церкви, неосуществим**.

Время, таким образом, покажет, останетс ли “группа D8” над формирующимся противостоянием НАТО – СДС и БРИК – ШОС, станет ли она своеобразным средством коммуникации, повышающим роль и удельный вес ислама в глобальной политике, или же нам предстоит стать свидетелями конкуренции между странами, тяготеющими к этим цивилизационным и надцивилизационным “моделям будущего”. В рамках подобной постановки вопроса наиболее четко просматривается российская заинтересованность в активизации процесса расширения ШОС за счет Индии, Ирана и Пакистана, что в свою очередь может создать институциональную основу объединения проектов БРИК и хотя бы части участников “группы D8”.

Собственно БРИК и сам при соответствующем организационном оформлении этой инициативы, а тем более в случае его постановки на фундаменте ШОС, способен стать ядром альтернативы “большой восьмерке”. В случае хотя бы частичного включения в него

* Нельзя не отметить, что два участника “группы D8”, “тяготеющих” к ШОС или входящих в орбиту влияния ее участников – Иран и Малайзия, курируют такие приоритетные направления деятельности ОИК, как наука и технологии, информационную политику, финансы и банковский сектор.

** Соответствующий законопроект уже вносился в 90-е годы в турецкий парламент проевропейским правительством Т.Чиллер, имеются основания полагать, что именно этот вопрос, по мере активизации исламских настроений, оказался “закулисным” камнем преткновения во время переговоров Турции с ЕС.

потенциала “группы D8”, члены которой позиционируют себя в качестве “новой восьмерки”, вероятность формирования многополярной альтернативы западному “моно-полуосу” существенно возрастает.

Ясно также, что в отличие от любых альянсов с Западом, ни один из которых равноправным по определению быть не может, Россия в таком объединении смогла бы играть одну из ведущих ролей. Причем за счет не только запасов и объемов добычи невозобновляемых природных ресурсов, но и почти монополярной системы энергетического транзита, а также сохраняющегося ракетно-ядерного потенциала и целого парка других новейших военных технологий.

Таким образом, саммиты СДС, БРИК и “группы D8” правомерно считать не только предвестниками реформирования глобальной расстановки сил, но и ее неотъемлемыми элементами.

Можно ли в этом случае говорить о разделе мира на “новый Запад” (НАТО – СДС) и “новый Восток” (ШОС – БРИК)?

Однозначного ответа на этот вопрос в утвержденной как раз в эти дни новой Концепции внешней политики России мы не находим.

С одной стороны, в ней признается рост влияния силовых факторов глобальной политики, а с другой – подчеркивается постепенное замещение “блоковой” дипломатии “сетевой”, рассчитанной на ситуативную конкретизацию международного взаимодействия¹².

Однако очевидно, что сама подобная постановка вопроса оставляет его решение на усмотрение выводов осуществляемого МИД мониторинга отмеченных Концепцией внешней политики “конкуренции различных моде-

лей развития и различных ценностных ориентиров” (то есть, глобальных проектов – *Авт.*). Одним из таких выводов, особенно эффективным в условиях быстрого и жесткого обострения российско-западных отношений, вполне может стать перевод в практическую плоскость процесса институционализации БРИК. Поэтому имеются весьма серьезные аргументы в пользу участия России в такой “квазиблоковой” конфигурации.

Собственно, по большому счету, создание СДС в сочетании с усиленным втягиванием в НАТО Украины, Грузии, а возможно и Азербайджана с Арменией практически не оставляют нам другого выбора. Плюс, разумеется, главное: активная позиция России, ее участие в формировании такой расстановки сил минимизирует, а возможно и нейтрализует явно негативные для нашей страны последствия создания СДС в виде возможной консолидации мусульманского мира под эгидой Запада, объединяющего его ресурсы и возможности с ресурсами и возможностями США и НАТО.

С учетом периферийности Запада по отношению к Евразии, а также компактности БРИК и наличия у него мощного плацдарма в Латинской Америке – уязвимом “подбрюшье” США, тщательно оберегаемом еще со времен принятия доктрины Монро (1823 г.), рискнем предположить, что Запад в этом противостоянии оказался бы в куда более уязвимом положении, чем Восток.

Другое дело, что и Россия вновь, как и на протяжении многих веков, оказалась бы на линии противостояния. Да, это не наш выбор, но в складывающейся обстановке у нас выбора просто не было и нет.

Иначе говоря, включение в ШОС Индии и ведущих государств “группы D8” способно разрушить ту монополию на влияние в исламском мире, на

которую рассчитывают в Лондоне, Вашингтоне и Париже, противопоставив мусульманским участникам СДС и НАТО мусульманских же участников ШОС. В рамках этой конфигурации возможно не только более безопасное

и стабильное развитие внутренней обстановки в Центральной Азии, но и существенные перемены в Афганистане, который при этом явно выходит за рамки геополитических притязаний американских и натовских стратегов.

Краткие выводы

Не углубляясь в детали, отметим то, что на наш взгляд сегодня является главным:

1. Создание СДС, а также начало организационных мероприятий в рамках БРИК (важность которых подчеркнута 15 июля с.г. Д.А.Медведевым во время программного выступления по вопросам внешней политики в МИД РФ) правомерно рассматривать как начало переустройства (возможно коренного) всей глобальной геополитической архитектуры.

С одной стороны, предпринимаются попытки распространить британо-американский контроль за пределы Запада на средиземноморский регион и через него – далее на Ближний и Средний Восток, вдоль “дуги нестабильности”, охватывающей с юга территорию Российской Федерации и других государств СНГ. Инструментом продвижения британо-американских интересов становится Франция, которая в обмен на поддержку своего лидерства в СДС негласно снижает интенсивность стратегического союза с Германией, что объективно уменьшает значение Европейского союза как самостоятельного субъекта европейской политики.

С другой стороны, ответом на эти действия Запада возможно становится запуск процессов официального оформления БРИК – союза Бразилии, России, Индии и Китая.

Соединение экономического потенциала БРИК с политическим и военно-политическим фундаментом ШОС, особенно в случае включения в эту

организацию Ирана и Пакистана, по сути, формирует альтернативу узко элитарному альянсу в лице “большой восьмерки”. В частности, такое объединение обладало бы значительно большим территориальным, демографическим, энергетическим, ресурсным, а со временем – экономическим и военным потенциалами.

2. Данная расстановка сил может стать основой глобальной политики по крайней мере в первой половине XXI в. Ее практическая реализация в этом случае может определяться двумя основными процессами:

– конкуренцией “большого Запада” и “большого Востока”;

– углублением самоопределения субъектов мусульманского мира, отдельные части которого могут как войти в Запад и Восток, так и действовать по ситуации, создавая временные тактические блоки и коалиции с Западом и Востоком или входящими в них государствами.

Поскольку каждая из тактических коалиций будет создаваться под отставание конкретных групповых интересов, которые будут сталкиваться с другими группами интересов, данный мировой порядок, если он будет создан, вряд ли можно будет считать стабильным, хотя бы таким, каким был биполярный мир времен “холодной войны”. Но это безусловная альтернатива нынешнему безраздельному доминированию Запада, формирование которой объективно отвечает запросам большинства человечества, не

относящегося к пресловутому “золотому миллиарду”.

3. Характер экспансии связи “США и Великобритания – НАТО – СДС” указывает на то, что расширение общей зоны их геополитической ответственности достаточно серьезно угрожает не только интересам, в том числе связанным с транзитом энергоресурсов, но и национальной безопасности России. Поэтому если нашей стране не удастся добиться интеграции с потенциальными новыми мировыми лидерами XXI в. в форматах БРИК и ШОС, она рискует оказаться наедине сразу с тремя стратегическими вызовами: со стороны Запада, Востока, а также консолидируемых каждым из них частей мусульманского мира. (Последняя угроза одновременно имеет внутреннее измерение – исламский фактор в самой России).

4. Проведенный анализ наглядно демонстрирует, что самая большая ошибка, которую в этих условиях может совершить российская элита – это продолжение апелляции к Западу и якобы “общим” с ним ценностям. Нет ни ценностей, ни общности, а есть двойные стандарты, масштаб использования которых против России в случае совершения такой ошибки будет только нарастать.

Российской элите (причем, вопреки “новодиссидентскому” сопротивлению) рано или поздно придется осознать: линия на стратегический союз с Западом, проводившаяся в 90-х – начале 2000-х годов, потерпела крах из-за не субъективных, а объективных причин.

Раз мы рассматриваем российско-западные отношения в цивилизационной парадигме, принятой за основу новой Концепцией внешней политики РФ, главной из этих причин следует признать цивилизационную самостоятельность России и Запада, противо-

борствующих на протяжении целого тысячелетия. Чем раньше такое признание состоится – тем раньше начнется спасительный для России разворот в общественном сознании и СМИ (в том числе кадровый).

Иначе говоря, выбор между Европой и Штатами, а также между республиканцами и демократами в самих США – это выбор между Сциллой и Харибдой. Более логичным представляется и далее между ними лавировать в “дальнем” зарубежье и жестко противостоять в “ближнем”. Ибо в СНГ противоборство России с отоброшенным против нее Западом по-видимому уже окончательно превратилось в “игру с нулевой суммой”: любой проигрыш одной из сторон автоматически означает такой же выигрыш другой стороны.

5. Экспансия в Северной Африке и на Балканах с выходом на Ближний и Средний Восток, как известно, играла важную роль в планах Гитлера, ставившего конечной целью не столько вытеснение из этих регионов Британской империи, сколько продвижение к южным границам СССР.

Создание СДС – не что иное как проверенное данным историческим опытом движение по схожей траектории и с аналогичной задачей – консолидировать западное доминирование в южном подбрюшье евразийского “Хартленда”. Необходимо четко отдавать себе отчет в том, что это – реальная угроза не только российским интересам в этом регионе, но и, с учетом кавказского фактора, российскому суверенитету и территориальной целостности.

6. Другая, не менее важная историческая параллель. Новейшая история неопровержимо свидетельствует: всякий раз, когда Франция отказывалась от взаимодействия с континентально-

европейскими государствами в пользу альянса с Великобританией и США, мир становился на грань крупномасштабного регионального или глобального военного конфликта.

Первый раз подобное имело место в Крымской войне, поражение в которой стоило России почти двадцатилетнего пребывания на обочине европейской политики.

Второй случай был отмечен на рубеже XIX и XX вв., когда создавался военно-политический блок “Тройственное согласие” (Антанта). Результатом континентально-морского союза Британской империи и Франции явилось развязывание Первой мировой войны.

В третий раз на нашей исторической памяти англо-французский союз сложился в конце 30-х годов, в канун Второй мировой войны.

Во что это обошлось народам мира – общеизвестно.

Трагические события августа 2008 г. в Закавказье и последовавшее за разгромом грузинской агрессии признание Российской Федерации независимости Республики Южная Осетия и Республики Абхазия, а также позиция, занятая в данном вопросе ведущими евроатлантическими государствами, подтверждая выводы статьи, не оставляют сомнений в выходе геополитического противостояния между Россией и Западом на новый уровень. Агрессия режима Саакашвили – не что иное, как попытка сделать первый шаг по пути реформирования “Большого Ближнего Востока”, а ее провал со всей очевидностью возрождает стратегическое противоборство по линии “Восток – Запад” со всеми вытекающими из этого последствиями.

Особое внимание следует обратить на роль и миссию в урегулировании грузино-осетинского вооруженного конфликта президента Франции Н.Саркози. Все его действия: активность на Кавказе, эпатажные антииранские заявления, сделанные в Сирии и т.д. – четко укладываются в рамки “средиземноморского” проекта, предполагающего развитие англосаксонской экспансии вдоль “дуги нестабильности”, охватывающей Россию и СНГ с юга.

Успешное противодействие этому проекту Российской Федерации – свидетельство не только осознания государственным руководством брошенной нашей стране геополитического вызова, но и наличия политической воли и встречной геополитической стратегии.

Примечания

¹ <http://www.rambler.ru/news/politics/0/13081660.html?print=1>; <http://www.strana.ru/doc.html?id=103984>.

² Карпец В.И. “Сарко” // <http://www.pravaya.ru/look/12145>.

- ³ *Парвулеско Ж.* Путин и евразийская империя. М., Амфора, 2006.
- ⁴ http://www.i-u.ru/biblio/archive/unknown_prolog/default.aspx.
- ⁵ Беседа Гитлера с Галифаксом // Из архива МИД Германии. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. В 2-х томах // М.: Госполитиздат, 1948. Т. I. С. 16; Донесение германского посла в Лондоне Дирксена в МИД Германии // Там же. С. 155.
- ⁶ Россия в многообразии цивилизаций / Доклад Института Европы РАН. В 3-х частях / Ред. кол. Шмелев Н.П., Тимофеев Т.Т., Федоров В.П. М.: Русский сувенир, 2008. Ч. II. С. 274.
- ⁷ Современные США. Энциклопедический справочник / Ред. Арбатов Г.А. М.: Политиздат, 1988. С. 131–132.
- ⁸ *Ledeer M.A.* Freedom Betrayed: How America Led a Global Democratic Revolution, Won the Cold War, and Walked Away. American Enterprise Institute for Public Policy Research Press, 1996.
- ⁹ *Перл Р.* Неоновая империя // Эксперт. 2005. № 17. 9 мая; *Генисаретская В.* Христианский сионизм и фундаментализм // <http://pravaya.ru/look/2021>.
- ¹⁰ D8. Альтернативный саммит // РБК-daily. 2008. 8 июля.
- ¹¹ <http://www.newsru.com/world/07jul2008/cammit.html>; <http://ru.wikipedia.org>.
- ¹² Концепция внешней политики Российской Федерации (от 2 июля 2008 г. Пр-1440). Ст. II (“Современный мир и внешняя политика Российской Федерации”) // www.kremlin.ru.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**